

«ВОЕННЫЕ» ФОРМУЛЫ В РУССКОМ ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ (на материале «Вестей-курантов»)

Характерной чертой современных лексико-семантических исследований является ориентированность на объяснение. В стремлении выявить сущность, проникнуть в глубину изучаемых явлений исследователи все чаще обращаются к фактам истории языка. «То, что обращение к историческому прошлому слова может помочь в уяснении его смысла, закономерностей употребления и на синхронном уровне, не нуждается в особых доказательствах» [1, с. 43].

Считается, что слово, изменяя значение с течением времени, в любой момент истории «помнит» свое «прошлое» [2]. И наоборот, первичный семантический признак, древнейшее представление о предмете или явлении, положенное в основу именования, обуславливает дальнейшие семантические изменения и контекстные реализации слова [3, с. 29].

Наиболее отчетливо «связь с прошлым» слово обнаруживает в составе устойчивых словосочетаний, оставшихся неизменными на протяжении веков. Как заметил Б.А. Ларин, устойчивые сочетания, характерные для древнерусского периода, следует рассматривать не столько как поэтические образы, сколько как «отражение точного значения всех природных условий» [4, с. 173]. Созвучна этому и мысль В.В. Колесова о том, что «литературные формулы создаются как средство познания, а не предмет развлечения» [5, с. 140].

Интересными в этом отношении являются устойчивые словосочетания со словом *война*, характерные для деловых текстов XVII в.: *вести воину*, *итти воиною*, *поити воиною*, *притти воиною*, *взяти воиною*, *стояти воиною*, *встретити воиною*, *наступити воиною*.

Глагольно-именное сочетание *вести воину* авторы исторических словарей интерпретируют как 'совершать военные действия', рассматривая его как синоним глагола *воевати* [6, т. 1, с. 160]. Действительно, в деловых текстах XVII в. *воевати* и *вести воину* оказываются синонимичными и могут быть взаимозаменяемы в

контексте: 1) *а фрянцуской корол воюеть (ведет воину) ещо против цысаря и против шпанского короля по старому (В-К 2, 87, 617, с. 194, 1644); ншь корол со французским союз учинили а иное и для того чтоб корол будучи с ним в союзе і воюючис с шпанским перестал бы вас подданных своих которые колвинской вЕры теснит а воевался (вел воину) б с шпанским (В-К 1, 22, 6, с. 101, 1627-28); 2) Изо Гданска пишуть что санатории полские того поволить не хотятъ чтоб королю полскому иматца против турского воину вести (воевати) (В-К 3, 45, 97, с. 129, 1646); тово нам не слышет было чтоб русские люди с такими далными людьми воину преж сего вели (воевались) (В-К 2, 32, 277, с. 80, 1643). Однако не всегда замена *вести воину* – *воевати* (*воеватца*) оказывается возможной: *а испаникие земли пишут что цесарев посол Ганнибал Консага дали ему два миллионво воину вестъ (воевати?) в Немецкую землю (В-К 1, 50, 167, с. 209, 1639)*. Очевидно, что, в отличие от приведенных выше примеров, здесь глагол *вести* имеет свое прямое значение 'направленного перемещения в пространстве'. Что касается значения существительного *война*, оно должно быть проинтерпретировано с учетом истории развития семантики слова.*

Этимологически слово *война* (**vojьna*) восходит к праслав. **voj*, в основе значения которого лежит древнейшее обобщенное представление о разрушительном воздействии на оказывающий сопротивление объект (противодействию) [7]. Являясь по происхождению кратким прилагательным, слово *война* актуализирует признаковую часть синкретичного значения **voj*. При этом само значение признака по отношению к ранним эпохам оказывается очень широким и в силу особенностей древнего мышления включает также значение субъект-носителя военного признака, а также военное действие, которое оказывается одним из характеризующих свойств субъекта. Таким образом, в интересующем нас контексте слово *вой-*

на актуализирует субъектную часть древнейшего смысла – значение 'войско, вооруженные люди'. Ср.: *из землицы Оберъэнзе поставленных ратныхъ людеи в ВЕдну весть (В-К 2, 73, 523, с. 154, 1644)*. Сказанное справедливо и в отношении контекстов, где сочетание *вести воину* имеет пространственные определители (например: *а веницЕиские владЕтели промеж тово ведут воину великую горнымъ воденнымъ путемъ (В-К 3, 46, 607, с. 132, 1646); им волно моремъ и землюю воина весть (В-К 4, 4, 202, с. 70, 1648)*), поскольку в XVI–XVII вв. «пространственное» значение творительного падежа могло быть реализовано только в том случае, если действие, обозначенное глаголом, понималось как линейное движение [8, с. 239–240].

Очевидно, что в основании языковой формулы *вести воину* лежит реальная, соотносимая с действительностью ситуация: война начиналась с того, что войско, вооруженные силы (*воина*) одной из противоборствующих сторон шло в земли противника, чтобы развязать военные действия (*вести воину*): *его королевское величество... хочет с воиском в Померскую землю итти и воину оттуду в Немецкую землю чтоб вести мочно было (В-К 5, без №, 51, с. 13, 1659)*. Вел «войну», как правило, военачальник, что предопределило возможность употребления имени собственного в качестве субъекта действия, выраженного формулой *вести воину*: *господин Георге Тартерет... с королевской стороны против агличанъ воину ведет (В-К 5, 11, 58, с. 43, 1652)*.

Таким образом, появившись как свободное, соотнесенное с конкретной ситуацией словосочетание, где каждое слово выступает в прямом значении, выражение *вести воину* постепенно становится обобщенным наименованием однотипных ситуаций (узуально устойчивым словосочетанием) и далее, в силу оформившейся ассоциации 'вести войско (= *войну*) против кого-либо / куда-либо' → 'начинать / развязывать военные действия' → 'совершать военные действия' (*вести воину с кем-либо*), переходит в разряд устойчивых языковых формул, используемых для обозначения общего представления о войне как состоянии общества.

Следует заметить, что «воспоминания» о конкретно-наглядной основе формулы *вести воину* обнаруживаются, прежде всего, в составе конструкции *вести воину против кого-либо*: *король персидцкой... хочет против турского воину вестъ и Вавилон назад взять (В-К 4, 46, 103, с. 174, 1649-50); онъ втаине советъ держитъ с ыными короли и князи и с христинскими есдри чтоб против меня воину весту (В-К 5, 19, 159, с. 79, 1652); говорил он королю*

полскому чтоб он ему немецких ратных людеи дал на помощь с своими ж татары воину вестъ против московских людеи (В-К 5, 25, 29-30, с. 98, 1655). Ср.: *однако ж они готовят против нас воины болши прежнего (В-К 5, 29а, 47, с. 114, 1656)*. В то же время, в конструкции *вести воину с кем-либо* реальная природа интересующего нас сочетания в значительной степени затемнена, что свидетельствует о высокой степени фразеологизированности и, следовательно, о качественно новом этапе в семантическом развитии формулы: *в Шкотской земле советывають что хотят воину весту с агличаны (В-К 4, 22, 485, с. 109, 1649); черкасы де стоят в зборе в Шарегороде тысяч съ Л а к татаром от себя послали ж чтоб они шли к ним в сход и хотят с поляки воину весту по прежнему (В-К 4, 35, 8, с. 145, 1649)*. Здесь формула *вести воину* имеет обобщенно-абстрактное значение 'совершать военные действия, находиться в состоянии войны'. Фразеологизации сочетания *вести воину* во многом способствовало и то, что в XV–XVII вв. слово *воина* развивает отвлеченное значение 'противоположное миру состояние социального противодействия' [9]. Это, в свою очередь, сделало возможным употребление в составе формулы следующих определительных слов: *корол французской с аглинскимъ союз учинил что вместе посега-телную и оборонительную воину весту (В-К 2, 1 пр, 58, с. 214, 1643); королевское величество дацкой с молодым королем и з думными людми думали чтоб имъ явную воину вестъ с свЕискими людми и для того б ратных людеи наимыват (В-К 2, 45, 317, с. 101, 1643-44); корол аглинской нне в городе Ньюъкастеле и жалобную грамоту к шкотам писалъ что вперед охоты не имЕетъ такую тяжолую воину весту (В-К 3, 45, 98, с. 129, 1646)*.

«Воспоминания» о древнейшем значении, в основе которого лежит синкретичное представление о воюющих людях и свойственном им признаке-действию, обнаруживаются и в составе других устойчивых формул, характерных для русского делового языка XVII в., где слово *воина* употребляется с другими глаголами движения или активного действия: *итти воиною, поити воиною, притти воиною*. Перечисленные формулы могут получать различные интерпретации. Так, например, *итти воиною*, с одной стороны, дает представление о перемещении группы людей, объединенных признаком «воинственности» (ср. в современном русском языке *идти толпой / группой* – в терминологии А.А. Шахматова, это «творительный количества или совокупности» [8,

с. 257)). С другой стороны, *итти воиноу* – значит идти с целью совершения или совершая военные действия: *Роготцкии много людеи наняль і на цесаря ж воиноу идет* (В-К 1, 42, 3, с. 194, 1638); *ливонские люди наряжаютца итти воиноу под датцкого короля город под Сарымары* (В-К 2, 68, 359, с. 145, 1644); *датцкои корол ннешняго лЕта наружно воиноу хочет итти тако ж і водянымъ путемъ против свЕян* (В-К 2, 76, 582, с. 173, 1644). Интересный материал для наблюдений дает и употребление в контексте формул с глаголом *притти*: *корол датцкои хотѣлъ с ратными людьми... с розных сторон притти а от московского тому ж было учинену быт и полевой маршалокъ похотел тому помешат и в Датскую землю воиноу при(шел)... Густав Горнь с ыным свЕиским воиском... землю вошолъ а генералнои маиоръ... с третимъ воиском пошол* (В-К 2, 51, 301, с. 110–111, 1644), где очевидна контекстная синонимия слов *воина* и *воиско*. Приведенный пример особенно ярко иллюстрирует древнейший синкретизм значения слова: *прийти воиноу* значит не только прийти с войском, вооруженными людьми, но и прийти для совершения (или совершая) военных действий. В свою очередь контекст *он* (татарский хан) *нне хочет воиноу поитит і воевоет* (В-К 5, 42, 2, с. 137–138, 1659–60) дает основания говорить о принципиальном различии действия, выраженного формулой *поити воиноу*, и действия, обозначенного глаголом *воевати*.

Подобным образом могут быть проинтерпретированы и другие формулы, связанные с обозначением военных действий. Так, формула *наступити воиноу* исторически также соотносится с конкретной ситуацией, когда, придя «войною» (войском) к границам ставшего объектом агрессии государства, воины противника нарушают эти границы, «наступая» на чужую землю: *французскои же корол въ запросах своих которые имЕет на короля шпанскаго сроку дать ему обещал на год и никакою воиноу в то время наступат на его землю не хотЕл* (В-К 5, 5, 1, с. 29, 1651). *Наступити воиноу* на чью-либо землю – значит намеренно нарушить ее неприкосновенность, обнаружив тем самым свою враждебность и намерение вести военные действия. Оторвавшись от четко определенной ситуации, сочетание *наступити воиноу* утрачивает конкретное значение ‘вступить войском на чужую территорию’, но сохраняет при этом общий смысл ‘развязать военные действия на территории враждебного государства’: *на Яна Казимира короля полского и на корону Полскую*

наступитъ воиноу (В-К 5, 29, 27–28, с. 110, 1656), и, в силу «метонимичности» средневекового языкового мышления [3], становится обозначением действий, отличных в своей реальной природе, но совершаемых с той же целью: *парламентъ указ учинил на свЕиские карабли недружбою наступитъ* (В-К 5, без №, 63, 1659, с. 15). В последнем случае обращает на себя внимание лексическая замена *воина* / *недружба* в составе формулы, что, в свою очередь, свидетельствует об утрате живых связей между словом *воина* и конкретным представлением о войске, военных людях и о фразеологизации формулы *наступити воиноу*.

ВстрЕтитъ воиноу – в прямом смысле значит ‘выйти с войском, вооруженными силами навстречу нападающему противнику’: *только буде цесаря римског послки в Ышпанские Недерлянские земли поидут и их тотчсъ воиноу встрЕтитъ и всеми силами против стоять чтоб ихъ не допуститъ* (В-К 5, 8, 2, с. 35, 1652). В приведенном примере, однако, интерес представляет не только формула *встрЕтитъ воиноу*, но и выражение *всеми силами против стоять*. Примечательно, что слово *сила* еще в древнерусский период было известно в значении ‘войско’ [10, с. 311]. В то же время, наряду с выражением *стояти силами против*, в деловом языке XVII в. отмечена формула *стояти воиноу против: не в давных прошлых днях собралис было мужиков и подданных у Гогенэлфа для вЕрных статеи нЕскоко сот которые дома свои и всякие промыслы покинули и хотят стоят против их воиноу* (В-К 5, 6, 32, с. 31, 1651). Это дает основания рассматривать оба словосочетания в качестве вариантов одной формулы *стояти + тв.п. суц. со значением ‘войско, вооруженные силы’*, исторически соотносимой с реальной ситуацией, когда воины, «стоя» у границ города или государства, отражали натиск врага. Однако по мере отвлечения от конкретного образа выражения *стояти воиноу против кого-либо* и *стояти силами (силоу)* обнаруживаются расхождения в значениях. *Всеми силами против стоять* значит ‘обороняться, используя все возможности и ресурсы воинов’, в то время как *стояти воиноу* актуализирует значение ‘обороняться с помощью войска и производимых военных действий’: *все кнзи Италяские земли соединилис стоят воиноу против сего королевства* (В-К 4, 28, 64, с. 127, 1649).

Взяти воиноу – присвоить при помощи военных людей и, в то же время, с помощью некоторых военных действий: *а только Раготцкому в нужном времени ... (обрыв 1–2 буквы) землю цесаревы люди воиноу возмут* (В-К 2, 55, 414, с. 120, 1644).

Таким образом, в составе рассмотренных устойчивых формул, характерных для делового языка XVII в., слово *война* сохраняет «воспоминания о семантическом прошлом» – синкретичном значении ‘войско и свойственные ему характеристики’. В свою очередь, сами формулы обнаруживают свою реальную природу, связь с внеязыковой ситуацией ведения войны. Возникнув как свободные словосочетания, обозначающие конкретные действия вооруженных сил, войска, выражения *вести войну, идти войною, стояти войною* и др. постепенно становятся наименованиями ряда однотипных ситуаций, «отвлекаясь» при этом от конкретно-наглядных представлений и приобретая обобщенно-абстрактное значение, что, в свою очередь, способствовало их фразеологизации и переходу в разряд устойчивых языковых формул.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

В-К 1 – Вести-куранты 1600–1660 гг. М., 1975;
В-К 2 – Вести-куранты 1642–1644 гг. М., 1976;
В-К 3 – Вести-куранты 1645–1646, 1648 гг. М., 1980;
В-К 4 – Вести-куранты 1648–1650 гг. М., 1983;
В-К 5 – Вести-куранты 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. М., 1996.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлева, Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова / Е.С. Яковлева // Вопросы языкознания. – № 3. – 1999. – С. 92–107.
2. Зализняк, А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: Проект «Каталога семантических переходов» / А. Зализняк // Вопросы языкознания. – № 2. – 2001. – С. 13–25.

3. Колесов, В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб.: Юна, 2002. – 448 с.
4. Ларин, Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – сер. XVIII в.) / Б.А. Ларин. – М., 1975. – 327 с.
5. Колесов, В.В. Древнерусский литературный язык / В.В. Колесов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 295 с.
6. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – М.: Русский язык, 1994. Т. 1–2.
7. Соловьева, Н.В. «Война»: история слова и концепта / Н.В. Соловьева // VI Межвуз. науч.-метод. конф. молодых ученых: сб. материалов, Брест, 14 мая 2004 г. / Брестский гос. ун-т им. А.С. Пушкина; под общ. ред. А.А. Горбацкого. – Брест: УО «БрГУ им. А.С. Пушкина», 2004. – С. 295–297.
8. Ломтев, Т.П. Очерки по историческому синтаксису / Т.П. Ломтев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 596 с.
9. Поспехова, Н.В. Концепт «война» в текстах «Вестей-курантов» (1600–1660 гг.) / Н.В. Поспехова // Веснік БДУ. Серія 4. Філологія. Журналістика. Педагогіка. – 2004. – № 2. – С. 54–59.
10. Сороколетов, Ф.П. История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. / Ф.П. Сороколетов. – Л.: Наука, 1970. – 381 с.

SUMMARY

The article deals with the analysis of set expressions (formulae) for denoting military actions in XVII th century business writing. The article makes clear that the words within the analyzed expressions preserve ancient peculiarities of their lexical meaning; the formulae themselves date back to free word collocations that are related to real situations of war actions. Throughout language development such collocations lose their denotative connection with concrete action and acquire generalized abstract meaning serving as nomination for single-type situations thus creating conditions for their phraseologization and becoming set formulae.